

2 $\frac{03 - 10}{77 - 2}$

ования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

О. Д. ШИПУНОВА

ИНТЕЛЛЕКТ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ

Санкт-Петербург
Издательство СПбГПУ
2002

ФБ-2

Послесловие.

Социальная формула интеллекта и субъективности.

Проблема возникновения и сущности сознания оказывается неразрешимой в рамках эволюционистского подхода в силу непреодолимой многозначности, вариативности возможных на его основе решений. Необходимо найти ту поворотную точку в биологической эволюции, где происходит разрыв постепенности и переход в новое качество. Обычно этот переход связывается со становлением социальности, под влиянием которой совершается скачок в эволюции живой материи. Ставка на главенство социального фактора в возникновении и развитии сознания, безусловно, справедлива. Однако до сих пор остается неопределенной сущность (закон) самой социальности, в силу чего проблема сознания, ориентированная на ее ключевую роль, оказывается всего лишь переведенной с одного уровня неопределенности на другой. Таким образом, главное прорывное направление в рассмотрении вопроса о возникновении и сущности сознания вписывается в направление поиска сущности социального бытия. Определение закона социальности задает логическую последовательность в рассмотрении сознания, позволяет преодолеть многозначность, декларативность формулируемых положений. Кроме того, именно в этом случае становится понятной актуальность проблемы, ибо в исходной постановке она сугубо абстрактна. Иначе говоря, актуальность проблемы становления и развития сознания в наибольшей мере обнаруживается именно в свете становления и развития социальности.

Главный закон материально-технического развития общества выражает соотношенность человеческих ресурсов, как массы расходуемой жизни, затрачиваемых на осуществление производства и получаемых в его результате в качестве воспроизводимой массы жизни. В зависимости от оценки данного соотношения мы имеем ту или иную формулу производства, в соответствии с которой строится вся модель общества. В рамках абсолютистского понимания общественного прогресса предполагается, что производимые обществом ресурсы жизни превышают массу затрачиваемых ресурсов необходимой деятельности (формула имеет вид неравенства " $\text{труд} < \text{результат}$ "), за счет чего в обществе наблюдается исторический рост трех главных показателей его прогрессивного развития: численность народонаселения, уровень производства и потребления, количество свободного времени. Источник роста очевиден – это расширяющееся использование готовых, "бесплатных" сил и веществ природы. В пределах данной абсолютистско-прогрессивистской концепции развития общества изначально признается только один безответный вопрос – о естественных абсолютных границах человеческого существования, будь то на уровне фундаментальных закономерностей мироздания или в масштабах экологической предельности жизни на Земле.

В современных условиях достижения обществом планетарного рубежа материально-технического развития в недрах политики и идеологии вполне логично рождается призыв к сознательной стагнации материального производства, сокращению численности народонаселения и переключению общественного прогресса на сугубо духовные показатели, якобы единственно не имеющие объективных ограничений. Проще говоря, предлагается формулу производства преобразовать из неравенства в уравнение. Однако и в этом случае построить на основе абсолютистского подхода удовлетворяющую современным критериям научности целостную социально-теоретическую модель общества не представляется возможным.

В качестве потребляющей системы в границах одного и того же типа материально-технического развития общество принципиально не отличается от любой другой органической системы в том плане, что извлекает из окружающей природной среды вполне определенные ресурсы, конкретные вещества и в силу их исчерпаемости всегда ограничено в своем росте. На каждой очередной ступени производственно-природного равновесия, соответствующей историческому типу материально-технического развития, имеется абсолютный предел роста, не преодолев который, общество не только не поднимется на более высокий уровень, но не сможет удержаться и на существующем, поскольку потребляет ресурсы сверх суммы их фиксированных запасов и естественного воспроизводства. Следовательно, однажды вырвавшись за пределы естественно-природного равновесия, общество обрекло себя на вечную смену технологических ступеней, не будучи в состоянии окончательно закрепиться на какой-либо из них, поскольку безвозвратно исчерпывает невозобновляемые ресурсы и превышает уровень восстановления возобновляемых ресурсов. На каждом этапе материально-технического развития оно необходимо достигает предельного уровня производства и, чтобы не погибнуть, вынуждено переключаться на использование качественно новой ресурсной базы. В целом материально-техническое развитие общества предстает перед нами как поступательный необратимый процесс, при этом каждый новый производственно-технологический переход осуществляется ценой все более возрастающих дополнительных затрат. В частности, для преодоления нынешней экологической ситуации, т.е. для перехода на очередной уровень производственно-природного равновесия, нужно только одно – дополнительные ресурсы. Но их объем так велик, что дальнейшее существование общества становится все более неопределенным, чем когда бы то ни было. Если до сих пор линия его развития целиком вписывалась в линию развития биосферы в ее прошлом и настоящем существовании и, благодаря этой предметной преемственности, была устойчивой, то теперь предметная преемственность развития общества сузилась до пока еще не ставшего преемственным развития общества сузилась до пока еще не ставшего существенно значимым перечня форм неорганической материи, с использованием которых можно было бы достаточно определенно связывать

его дальнейшее существование вне зависимости от ограничений условиями Земли.

Таким образом, действительная техносоциальная формула общества имеет вид неравенства с противоположным знаком по сравнению с вышеприведенной формулой абсолютного прогресса, а именно: совокупная масса человеческих ресурсов, непосредственно и опосредованно расходуемых на осуществление процесса производства, в конечном счете растет с опережением, в силу чего совокупная масса производимых средств жизни не способна заполнить требуемый объем потребления даже при условии его усредненности в уравнивательском варианте распределения, оставаясь всегда меньшей по сравнению с той массой, которая обеспечила бы возможность существования всех участников производства. Иначе говоря, материально-техническое развитие, позволяя на основе научно-технического прогресса осуществить абсолютный рост производства средств жизни и численности народонаселения, ни при каких обстоятельствах не может устранить указанное выше неравенство, "преодолеть" данную техносоциальную формулу. То есть общество не в состоянии догнать самого себя в непрекращающейся гонке производимых и необходимых ресурсов жизни.

В условиях одиночного существования человек не может создавать технические средства и вести собственно человеческий (орудийный) образ жизни. В этом случае интеллект бессилён и, следовательно, не нужен, а, значит, возникновение человека, понимаемое как выделение животного из природы, оказывается невозможным. Техника является результатом совместной материально-предметной деятельности, осуществление которой требует интеллекта, необходимого как для идеального моделирования среды в ходе целеполагания и определения средств, так и для коммуникации, позволяющей координировать предметные действия. Однако концентрация индивидуальных усилий, увеличивающая производственную мощность, не ведет к пропорциональному увеличению получаемого конечного результата; последний, наоборот, оказывается относительно меньшим в том плане, что не обеспечивает воспроизводства затраченных сил и, следовательно, выживания всех участников производства. Отсюда вытекает, что совместная производственная деятельность, будучи необходимым условием человеческого способа жизни, характеризуется единством противоположных отношений сотрудничества, кооперации (координации) деятельности и борьбы за место в социальном пространстве.

Отличие человеческого существования от животного в конечном счете сводится к выживанию за пределами естественно-природного равновесия, благодаря способности человека находить дополнительные ресурсы в окружающей природной среде. Но главным таким ресурсом, изначально-обязательным и исторически-всеобщим, явился человеческий труд, но не самого человека, а другого человека, т.е. чужой человеческий труд, созданная

самой природой готовая рабочая сила. И только при наличии такой (чужой) рабочей силы оказалось возможным использовать другие предметы и процессы природы. Образно говоря, для того, чтобы "поймать" силы природы и заставить их "работать", человек должен был сначала поймать другого человека и заставить его трудиться. Следовательно, стержневую основу так называемого технического прогресса, понимаемого как прогресс в подчинении природы человеку, составляет прогресс в подчинении человека человеку. А поскольку "оба" человека – разумные существа, то это стремление превратить другого в свое средство сугубо взаимно, а потому и технический прогресс в этом плане двусторонен, симметричен, что наглядно выражается в непреходящем соревновании снаряда и брони, замка и отмычки и т.п.

В природе внутривидовая борьба за существование ограничивается устранением конкурентов путем их вытеснения с территории или, в крайнем случае, уничтожения. Для человеческого способа существования этого недостаточно, – борьба за выживание между людьми предполагает превращение жизни одних в средство жизни других. Вместе с тем, эта борьба ведется не на атомарном (индивидуальном) уровне и не является буквально войной всех против всех, борьба индивидов за существование опосредована соответствующей борьбой между общностями (социальными группами).

Таким образом, человек включен в сферу бескомпромиссной борьбы за место в системе отношений господства и подчинения через сферу единения и сотрудничества, в тенденции стремящихся к достижению полного социального господства. Иначе говоря, отдельно взятый индивид лишь опосредованно является субъектом отношения "цель – средство" и, будучи членом той или иной общности, ориентирован на позитивную нормативность жизнедеятельности (например, христианские заповеди), в той или иной форме свойственной каждой исторической общности. В пределах своей общности жизнь человека извне задается справедливостью, а изнутри – совестью. Вне общности, в сфере межобщностного взаимодействия борьба за место в системе отношений господства и подчинения имеет непосредственный характер, является абсолютной. Союзы и объединения здесь сугубо относительны, а нормативность исключительно однонаправлена: в отношениях между общностями закон и справедливость отсутствуют.

Таким образом, бытие техники в качестве второй природы есть всего лишь субстратное выражение ее сущности. Главное в технике ее функциональность: техника не только средство материально-предметной деятельности, она есть средство превращения одного человека в средство другого человека. Без этого технический способ жизни просто неосуществим. Следовательно, призыв жить в согласии с природой означает призыв вернуться в природу, отказаться от человеческого способа жизни, смысл которого состоит не в применении ножа и вилки, а в выживании в природной среде за пределами

ее ресурсов на основе фундаментального социального отношения "цель — средство".

Рост общественного богатства оказывается изначально возможным за счет того, что рабочая сила является таким же готовым продуктом, как и сила природы. Человек производящий — это всего лишь материальный носитель, субстрат рабочей силы, объект организационно-производственной деятельности, вынесенный за скобки человеческого бытия, находящийся вне сферы собственно человеческого существования. Исторические формы рабочей силы развиваются от простейшей организации подневольного рабского труда в древности до информационно-технологического колониализма в современном глобальном мире, когда за счет резкого перепада уровней материально-технического развития производственное функционирование одних общностей подчинено существованию других общностей. Само производство, как общественный процесс, начиная с организации древних мастерских и кончая глобализацией мировой экономики, имеет в своей основе насильственное, а не договорное организационное начало по поводу разделения труда.

Итак, социальное отношение "цель — средство" превращает просто живое существо в человека и определяет все коллизии человеческого существования с точки зрения его социального бытия. Это отношение обуславливает принципиальную незавершенность человеческой истории и ненасыщаемость сферы материально-предметного бытия человека. Не имеющий логического предела самовозбуждающийся процесс материально-технического развития происходит как гонка, борьба за выживание и одновременно как всеобщее стремление к преодолению техносциальной формулы общества, подобное вечному стремлению к реализации принципа вечного двигателя.

Существование животного (например, движение стада к кормушкам) определяется инстинктами, условными и безусловными рефлексами. Интеллекта в данном случае нет.

Жизнь дикаря регулируется тем же самым плюс некие социальные стереотипы побудительного и запретительного характера. Регуляция поведения здесь становится частично опосредованной, нормативы передаются через воспитание, но они сугубо однозначны и по силе действия сравнимы с естественными регуляторами. В данном случае интеллект еще зачаточен, а субъективность коллективна, личности еще нет.

Цивилизованный человек обладает интеллектом, его поведение регулируется нормативностью, вырабатываемой, обговариваемой, обеспечивающей опосредованность, произвольность поведения. В этом, прежде всего, и выражается субъективность. Образуется треугольник: интеллект, цели, нормативы, — вот содержание человека.

Если убрать нормативность и оставить только цели и интеллект, то получится буквально война всех против всех при отсутствии какой бы то ни было организации, в абсолютном хаосе. Существование человека в таком

случае оказывается невозможным. При отсутствии организующей силы остаются только люди, обладающие интеллектом и абсолютной свободой воли и действия по отношению друг к другу и к природе в рамках своих возможностей, т.е. потенции выживания.

Если убрать цели, а оставить нормативы и интеллект, то социальное движение остановится. Если убрать интеллект, то не будет ни целей, ни нормативов.

Итак, в общественной жизни человека есть цели и нормы. Интеллект является универсальным средством выживания человека в окружающей среде за счет ее преобразования в соответствии со своими потребностями, как объективно необходимыми, так и субъективно сформированными. Он позволяет моделировать ситуации, т.е. мысленно (идеально) выстраивать системы взаимодействия с предметами и людьми и выбирать для реального действия наиболее приемлемые модели из ряда осуществимых. Направленность усилий интеллекта в качестве средства преобразования на природную среду не имеет какого-либо ценностного измерения, поскольку присвоение человеком предметов природы само по себе может быть более или менее эффективным и целесообразным, но никак не относящимся к добру или злу. Преобразовательные усилия интеллекта, направленные на человека, также являются средствообразующими и, следовательно, направленными со стороны одного человека против другого человека. Эти усилия полностью вписываются в систему общественной нормативности и поддаются ценностному определению в соответствии с принадлежностью людей к конкретной исторической общности.

Живое существо, наделенное интеллектом, может глубже, полнее использовать ресурсы природной среды. Интеллект делает живое существо более приспособленным к выживанию. Предел развития интеллекта в естественных условиях задается ограничениями самой биологической организации (биологического способа выживания), состоящими в том, что получение ресурсов жизни (пищи) из среды осуществляется индивидуально. При этом сообщества, ассоциации особей (стадо, семья, стая) могут рассматриваться как совокупные организмы. Простейшие орудия, будучи продолжением органов тела, не отменяют индивидуального характера добывания ресурсов жизни.

Таким образом, при наличии интеллекта использование ресурсов среды интенсифицируется. Но среда остается исчерпаемой и ограниченной в качестве жизненного пространства. Следовательно, по мере интенсификации получения ресурсов обостряется конкуренция. Логическим завершением этого процесса является переход к производящему способу жизни на основе новой технологии (техники) и новой организации (социальной дифференциации, превращения одного человека в средство другого человека).

Интеллект – это условие нахождения средств жизни в рамках общественных нормативов и индивидуальных возможностей. Соответственно, общество, как бы это ни казалось унижающим человека, есть совместно функционирующие организмы, наделенные интеллектом и субъективностью, т.е. осознанностью своих индивидуальных интересов и переживанием по поводу их реализации во взаимодействии с другими индивидами.

Определение духовной культуры, как души народа, является сейчас расхожей истиной, избитым штампом. Сущностное содержание данного определения в том, что духовная культура выражает переживание бытия человека, общности, связанное именно с техносциальной формулой. Иначе говоря, без формулы нет переживания, без переживания нет борьбы за существование. Следовательно, при разрушении духовной культуры человек (общность) теряет интерес к существованию, стремление к борьбе за выживание. Убить духовную культуру народа – значит, убить его волю к жизни.

Сознание есть социальное образование, представляющее собой модель материального мира. За счет идеальности такой модели имеется возможность поиска, выбора наиболее эффективных способов материально-предметного действия в объективной реальности. Однако в данной идеальной модели бытия не хватает места всем субъектам социальной жизни, что делает объективно неразрешимой задачу всеобщего обустройства. И это моделирование социального бытия так или иначе оказывается моделированием борьбы за место в жизненном (социальном) пространстве.

При наличии у живых существ одного только интеллекта сложится абсолютно атомарная совокупность индивидов, не обладающих какой-либо субъективностью. Последняя необходимо обусловлена ансамблевостью, групповым характером выживания как борьбы за место в социальном пространстве, и, следовательно, порождается и сопровождается нормативностью общественной жизни. Субъективность обязательно предполагает идентификацию индивидов, которой никак не может быть в абсолютно атомарной структуре – идентификация осуществляется только в общности: при наличии отношений «мы» и «они», без чего не будет отношений ни «я» и ни «ты». Иначе говоря, наделенное интеллектом существо, лишённое переживания отношений «мы» и «они», а рассматриваемое как некое абсолютно единичное «я», не может идентифицироваться и состояться как «я», ибо последнее есть результат отношений или даже само является отношением. Субъект есть носитель, средоточие нормативности, которая принципиально невыразима в формах рациональности, ибо само человеческое существование не задано снизу (от природы) и не предзадано сверху (от Бога).

Интеллект и экзистенция, как составные части сознания, существуют в человеческой голове, принадлежат субъекту и являются субъективными по форме, но объективными по содержанию. Однако интеллект, наряду с

объективностью по своей предметности (содержанию), характеризуется всеобщностью, он един для всех людей, будучи отражением единых законов бытия. То есть сознание объективно в интеллекте. Объективное содержание экзистенции ограничивается стремлением человека к выживанию, – наличием движущей силы. Но это стремление, в отличие от интеллектуальной деятельности, не поддается рациональному объяснению, поскольку человеческое существование не вписывается в эволюцию природы, не предзадано свыше и не реализуемо во всеобщности социума. Обоснование стремления к выживанию всегда локализовано в индивиде и группе и представляет собой обоснование исключительного права на жизнь с их стороны. Следовательно, интеллект субъективен гносеологически, а экзистенциальность субъективна социально, что и позволяет использовать в данном контексте понятие субъективности в паре с понятием интеллекта.

В соответствии с техносциальной формулой в обществе нет ни истины, ни добра, ни красоты, а также ни противоположных им лжи, зла и уродства, то есть в обществе нет ничего, кроме совместно живущих и в борьбе друг с другом выживающих людей. Интеллект есть всего лишь средство их выживания, порождающее в ходе борьбы миф о некой сущности разума как такового, разума самого по себе, будь то объективно существующий абсолют или некий экзистенциал субъективной реальности.

Нормативность не разделяется ни на внутреннюю, присущую самому человеку, не зависящую от социальности (досоциальную), ни на внешнюю, надсоциальную. Любое общественное действие индивида в конечном счете социально опосредовано и детерминировано, будь то соблюдение или нарушение правил перехода улицы при отсутствии транспорта, оплата или неоплата чего-либо при отсутствии контроля, наконец, самопожертвование или предательство без какого-либо свидетельства. Нормы регулируют отношения между совместно живущими индивидами, разделяющимися на своих и чужих. В «своих» продолжается сам человек, здесь не требуется внешних нормативов, однако сам состав «своих» определяется конкретно-исторически.

Индивидуальные способы жизни различаются по схеме: стремление к достижению истины и победе правды (справедливости) безотносительно к результату или стремление к получению результата безотносительно к истине и правде. По формуле они не совпадают принципиально, поскольку истины как таковой (абстрактно-всеобщей, то есть как идеи) просто не существует, а правда (справедливость) невозможна или просто отсутствует при абстрактно-всеобщем наполнении. По этой схеме различаются как индивиды, так и общности. Люди-средства выступают за истину и правду, люди-цели выступают за результат.

Человечество есть совокупность людей на Земле, полностью предоставленных самим себе. Здесь уместна аналогия с поселением группы людей на острове при полном отрыве их от общества. Никаких высших сил,

регулирующих их отношения, нет, и человек может рассчитывать только на себя, людей некому рассудить и некому защитить. Но и введение закона не меняет сути дела, так как он будет всего лишь дополнительным фактором внешней среды. Тогда складывается следующая модель: на одной стороне среда с ее природными и социальными законами, на другой — люди, не связанные никакими обязательствами, не подвластные никакой высшей законности, обладающие потребностями, интеллектом и свободой воли, в том числе свободой в выборе средств их удовлетворения.

Каждый человек имеет право на все, что связано с его жизнью. Противоречия, возникающие при этом, в своей всеобщности сводятся к действию формулы и выражаются в итоговом противоречии: каждый имеет право на жизнь, но на всех жизненный ресурс не хватит, в жизненном пространстве все не поместится, кто-то оказывается лишним, потому что людям требуется большее жизненное пространство, чем то, которое они могут создать. Есть совокупная масса жизни, с одной стороны, и совокупная заявка на жизнь — с другой; масса заявленной жизни превышает массу предоставленной. То есть всегда нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Следовательно, провозглашенное право на жизнь означает не что иное, как право на борьбу с другой жизнью и потому лишается самого статуса права.

Общественным нормативам придается сакральный характер, их изменение сопровождается обличением старых и провозглашением новых, истинно сакральных норм, в тенденции образует стремление к полному разоблачению социальной условности всяких норм, к всеобщей секуляризации, а в конечном счете к полному исчезновению тайны человека. Вся жизнь становится публичной, а ее мотивация понятной. На мнимой понятности, не опирающейся на понимание техносциальной формулы, базируются нигилизм и цинизм, не способные адекватно сформулировать тезис о том, что цель борьбы (а деятельность есть борьба) сводится к выживанию, но само по себе выживание бессмысленно и бесцельно.

Сущность секуляризации общественного сознания наиболее полно выражается в рационализации нормативности, которая, в свою очередь, воплощается в интеллектуализации субъективности. Однако в ходе социальной борьбы рождаются новые мифы, религиозные и светские, сакрализируются новые сферы общественной жизни, возникают новые основания субъективности. Бог никогда не умирает, но, вместе с тем, умирает постоянно и рождается заново.

Цинизм есть вызов условности и вообще нормативности, вызов, но не протест. В частности, можно не отрицать Бога (высшее выражение нормативности), но бросить ему вызов. Следовательно, цинизм — это вызов от безысходности, от отчаяния, а не от рационального осознания бытия. В цинизме есть отражение техносциальной формулы, но нет ее понимания.

Цинизм, как вызов нормативности, остается в абсолютистской модели общественного бытия. Вообще нормативность в абсолютистской и релятивистской моделях качественно различна, как, например, различен порядок на плавущем и тонущем корабле, порядок среди смертных и бессмертных людей.

Осознание формулы делает цинизм нормальным, рационально обоснованным. Цинизм отвергает условность, отвергает игру. Он позволяет человеку свободно выражать свои стремления, не прибегая к их маскировке игрой, условностью. А можно ли перевести всю общественную жизнь на принципы цинизма, т.е. полностью преодолеть условность? Однако условность не есть договор, скорее не условность определяет поведение (поступки) людей, а мифологичность. Мифологичность — это, ведь, тоже условность, но не осознанная явно, не обговоренная.

Человеческий интеллект направлен на познание природы (чтобы делать технику, добывать средства жизни и просто понять тот мир, в котором он живет) и общества (чтобы встраиваться в него). Одновременно человек хочет познать самого себя: свое происхождение, предназначение, свою судьбу, смысл и цели собственного существования, данное устройство общества и отношение к другим людям, проблему долга вообще. Это указывает на двойственность человеческого познания: с одной стороны решаются практические, утилитарные задачи по обеспечению выживания; с другой — самопознание, рефлексия. Вторая сторона сознания возвышает человека, его дух и вызывает наивысшее напряжение. Однако она сугубо вторична, производна и утилитарна в подчиненности первой стороне. В конечном счете от интеллекта требуется только поиск средств выживания, непосредственный и опосредованный. В этом состоит драматизм человеческого существования. Человек хочет найти оправдание своей жизни, которая реально сводится к борьбе за выживание, человек как бы стыдится сам себя и оправдывается сам перед собой, что находит свое выражение в творчестве выдающихся гуманистов. XIX век представлен в критической литературе разоблачением естественности человека, показом его дурной природы, слабости, подлости и прочего. XX век характеризуется стремлением к разоблачению человека социального, функционального, к разоблачению самой общественной жизни (начальника, чиновника, мужа, жены и прочие социальные роли). Но человека бессмысленно разоблачать или жалеть, его можно только объяснить.

Сущность человека заключается в его духовности, главным содержанием которой является переживание действия техносциальной формулы, непреодолимого социального отношения “цель — средство”. Вся духовность (экзистенциальность) человека направлена на выживание. Здесь есть выход в трансцендентное, бесконечность, но это побочный продукт. Всякого рода идеи вечного и бесконечного производятся для реального потребления, в конечном счете — на продажу. Направленность мысли на вечность и бесконечность

предполагает мучительное напряжение, всегда связанное с конкретным существованием. От скуки и безделья в бесконечность не выходят.

Интеллект воплощает в себе рациональность. Он не в состоянии показать (схватить) определенность бытия, которое всегда оказывается относительным, растворяется в относительности и ускользает от понимания. То есть существование человека не поддается рациональному объяснению (ни вообще - как рода, ни в частности - как индивида). Существование человека характеризуется субъективностью, в пределах которой каждый сам определяет цели и смысл своей жизни. Иначе говоря, субъективность придает бытию определенность, очерчивает его границы и выделяет из бесконечной всеобщности. Рациональность не дает результата в определении всеобщих целей и смысла, здесь она бессильна и необходимо сменяется переживанием. Но в поиске средств выживания рациональность действенна, и чем меньше она связана с переживанием (нормативностью), тем более результативна.

Хотя интеллект есть средство выживания организмов и не более, он, тем не менее, универсален в том плане, что выходит за рамки функционирования в качестве средства. Интеллект рефлексивирует, пытается ответить на вопрос о смысле собственного существования, как бы обретая тем самым самостоятельность существования (и как всеобщий интеллект мировой разум, и как «я»). Но это подобно тому: как если бы определить сущность того, почему небо голубое, тигр полосатый и тому подобного вне простого естественного объяснения этих феноменов.

В принципе можно согласиться с провозглашением 21 века веком гуманитарных наук и вообще веком гуманитаризации всей общественной жизни. Однако надо уточнить содержание этой гуманитарности. Одно дело - ее понимание в плоскости мифологических иллюзий, утопического гуманизма. И совсем другое - осознание действия техносциальной формулы, условности любых нормативов, то есть признание правоты Ницше с той лишь оговоркой, что он не знал техносциальной формулы.

Так называемый антропологический поворот в философии и общественном сознании в целом означает переход от абсолютистско-прогрессивистской ориентации на науку и технику к ориентации на поиск путей гармонизации общественной жизни. Речь не идет о разочаровании в науке и технике, они признаются главными и всемогущими средствами выживания человека. Наука и техника могут все, для них нет ничего невозможного в сфере материально-предметного бытия, но, как оказалось, обеспечить всеобщее благополучие, понимаемое как всеобщее выживание (полное проживание жизни каждым человеком), так же невозможно, как создать вечный двигатель, независимо от уровня материально-технического развития. Поэтому процесс гуманитаризации сознания не освобождает его от мифологизации, от иллюзий достижения всеобщего блага, преодоления действия техносциальной формулы и устранения социальной

дифференциации уже не на основе научно-технического прогресса, а путем гармонизации социального бытия.

Действие формулы обуславливает состояние непрекращающейся борьбы за выживание. В обществе борьба ведется организованно и требует координации действий, что предполагает постоянное принятие решений, оно составляет основу общественной жизни, ее главное содержание. Вне сферы действия формулы нет решений, ибо сущность решения состоит в выборе, определении приоритета - кто и в каком качестве остается в жизненном пространстве, а кто выбывает? То есть принятие решения есть определенное решение формулы, наполнение ее конкретным содержанием.

Поиск универсального закона бытия означает стремление к всеобщей гармонии, к достижению полной согласованности его элементов. Этот поиск мирового порядка есть поиск выхода из перманентного кризиса, выражающегося в несогласованности, разорванности бытия человека. Однако перспектив для нахождения единого закона природы, а тем более общественного (социального) и индивидуального (экзистенциального) не просматривается. Точки отсчета и ориентиры человеческого бытия не определяются, отсутствует понятный, рационально формулируемый общественный закон. Казалось бы, его открытие все расставит на должные места и люди смогут обустроить свою жизнь в соответствии с этим законом. Но вся история человеческой мысли свидетельствует лишь о неминуемости крушения любых идеальных моделей бытия.

Человеческая жизнь, как особый способ существования живого, с ее опорой на интеллект, есть безрезультатный бунт против природы. В этом плане человеческая жизнь бессмысленна. В рамках теологического рассмотрения она представляет собой вызов Богу. А в той мере, в какой одна, состоявшаяся человеческая жизнь, имеет своим источником другую, несостоявшуюся человеческую жизнь, она не только бессмысленна и греховна, но и преступна. Субъективность задает мотив и оправдание этого преступления, интеллект является его орудием, он бессильен в определении смысла и оправдании преступления. В обществе нет ни земного, ни небесного Высшего суда, в обществе вообще нет ничего, кроме совместно живущих индивидов, наделенных интеллектом и экзистирующих по поводу борьбы за существование.

Однако, несмотря на то, что человеческая жизнь бессмысленна, греховна и преступна, она прекрасна, что является ее главным и единственным оправданием. В этом и состоит экзистенция, содержание субъективности.

В.П.Горюнов, д.ф.н., проф.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава 1. Предпосылки новой парадигмы интеллекта	4
1.1. Проблема статуса интеллекта и социальная онтология.	4
1.2. Когнитивная наука: от компьютерной метафоры – к метафизике интеллекта	8
1.3. Интеллект и ментальный опыт в современной психологии.	17
1.4. Интеллект и разум в метафизических исследованиях.	20
1.5. Феноменология субъективного действия в когнитивной науке..	33
1.6. Эволюция когнитивных представлений в междисциплинарную эпистемологию.	49
Заключение	58
Глава 2. Социальная онтология и динамика субъективности	61
2.1. Онтология и динамика субъективности в истории философской мысли.	61
2.2. Аналитика субъективности в современной философии.	86
2.3. Социально-антропологические установки постмарксизма в анализе субъективности.	105
Заключение	115
Глава 3. Социальная антропология как область интеграции междисциплинарных стратегий в исследовании интеллекта и субъективности	118
3.1. Социально-антропологический смысл интегративных тенденций современной науки.	118
3.2. Социально-генетические проблемы когнитивной эволюции.	131
3.3. Генетический принцип и когнитивная ориентация в социально-философской антропологии.	139
3.4. Интеллект и субъективность как категории социальной антропологии.	149
Заключение	159

Глава 4. Интеллект и субъективность в социально-генетической реконструкции	161
4.1. Волны эволюции и социальная ритмика.	162
4.2. Порождение антропологической экзистенциальной нормы.	180
4.3. Социально-генетическая модель становления субъективности.	187
4.4. Социально-генетические условия когнитивной эволюции.	203
4.5. Дискурсивный интеллект: проблема порождения.	214
4.6. Рациональная деятельность: понимание и познание.	230
Заключение	243
Глава 5. Феноменология интеллекта	246
5.1. Интеллект в экзистенциальной динамике.	246
5.2. Критерии рациональности: интеллект или субъективность?	264
5.3. Динамика процесса понимания.	273
Заключение	284
Послесловие. Социальная формула интеллекта и субъективности (В.П.Горюнов).	286